

Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия

Аннотация. Криптовалюта и проблемы ее правового регулирования в последнее время становятся объектом многочисленных исследований. Не остается в стороне и юридическая наука, в том числе уголовное право. Противоречивый характер юридической природы криптовалют, невозможность точно определить их видовую принадлежность, достаточно большое количество вопросов со стороны правоприменителя привели к возникновению обширной доктринальной дискуссии. Одним из самых актуальных, на взгляд автора статьи, вопросов является определение криптовалютных отношений в качестве объекта преступления и то, как ошибки восприятия этих отношений и, главное, их предмета, влияют на правоприменение и последующую квалификацию составов преступлений. В статье подробно рассмотрены основные точки зрения на сущность криптовалюты, позиции ученых по этому вопросу. Автор объясняет, почему криптовалюта не может быть отнесена к известным современному праву видам ценных бумаг, валют или валютных ценностей, и предлагает свой подход к определению криптовалюты и криптовалютных отношений, а также указывает, каким образом это влияет на применение уголовного закона.

Ключевые слова: криптовалюта; биткоин; оборот криптовалюты; киберправо; киберпреступления; уголовное право; цифровое право; цифровизация; цифровая экономика; денежные суррогаты; киберпространство.

Для цитирования: Кучина Я. О. Оборот криптовалюты как объект преступления и доктринальные ошибки его восприятия // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15. — № 4. — С. 118—127. — DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.118-127.

Cryptocurrency Turnover as an Object of Crime and Doctrinal Errors in its Perception

Yaroslava O. Kuchina, Cand. Sci. (Law), LL.M. (Macau University), Associate Professor, Postgraduate Student, Macau University (Macau SAR, PRC)
Avenida da Universidade, Taipa, Macau, China
yakuchina@gmail.com

Abstract. Cryptocurrency and the problems of its legal regulation have recently become the subject of numerous studies. Legal science, including criminal law, does not stand aside. The contradictory nature of the legal nature of cryptocurrencies, the inability to accurately determine their species affiliation, a fairly large number of questions from the law enforcer led to an extensive doctrinal discussion. In author's opinion, one of the most urgent questions is the definition of cryptocurrency relations as an object of crime and how errors in the perception of these relations and, most importantly, their subject matter, affect the enforcement and subsequent qualification of crimes. The paper discusses in detail the main points of view on the essence of cryptocurrency, the position of scientists on this issue. The author explains why cryptocurrency cannot be attributed to the types of securities, currencies

© Кучина Я. О., 2020

* Кучина Ярослава Олеговна, кандидат юридических наук, LL.M. (Университет Макао), доцент, докторант Университета Макао (Макао САР, КНР)
Avenida da Universidade, Taipa, Macau, China
yakuchina@gmail.com

or currency values known to modern law, and offers her own approach to the definition of cryptocurrency and cryptocurrency relations, and indicates how this affects the application of the criminal law.

Keywords: cryptocurrency; Bitcoin cryptocurrency turnover; cyber law; cybercrime; criminal law; digital law; digitalization; digital economy; money surrogates; cyberspace.

Cite as: Kuchina YaO. Oborot kriptovalyuty kak obekt prestupleniya i doktrinalnye oshibki ego vospriyatiya [Cryptocurrency Turnover as an Object of Crime and Doctrinal Errors in its Perception]. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*. 2020;15(4):118-127. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.118-127. (In Russ., abstract in Eng.).

Стремительное развитие цифровой экономики затронуло и науку уголовного права. Огромное количество работ посвящено феноменам, так или иначе относящимся к цифровой сфере: начиная от разрабатываемых технологий на основе распределенных реестров и заканчивая вопросами применения искусственного интеллекта, более теоретическими, чем практическими. Одной из самых упоминаемых тем стал оборот криптовалюты.

Термин «криптовалюта», вопреки сложившемуся мнению, не является научным. Он возник в 2011 г. как название статьи в экономическом журнале, описывавшей феномен «электронной наличности»¹, технические характеристики которой делали ее чем-то невиданным на рынке финансов². На тот момент предмет журналистского интереса — биткоин — представлял собой более теорию, чем практику, хотя насчитывал уже несколько лет оборота и отнюдь не являлся первой из криптовалют³. Вспышка интереса к нему, как и к криптовалюте в целом, случилась гораздо позже, и, по нашему мнению, связана она не только с мгновенно возросшей популярностью блокчейн-технологий, частью которых принято считать криптовалюты, но и со стремительным ростом курса биткоина.

Именно в этот период отечественное уголовное право обратило свое внимание на криптовалюты, поскольку некоторые их технические характеристики действительно позволяют рассматривать криптовалюты как возможную

часть преступного механизма, а соответственно, состава преступления. Мы можем назвать целые направления рассмотрения криптовалют представителями уголовной науки в основном как предмета преступления или средства его совершения. Особенное внимание криптовалютам уделяют специалисты в области хищений, террористических преступлений и оборота наркотиков или оружия, легализации (отмывания) денежных средств, добытых преступным путем. При всем этом не сформировалось единого определения, что же такое криптовалюта. Именно в этом, по нашему мнению, и заключается причина всех доктринальных проблем в рассмотрении криптовалют через призму уголовного права.

Действительно, в Российской Федерации не существует законодательного определения криптовалюты. Однако мы считаем, что на настоящем этапе рассмотрения криптовалют как части финансовой политики страны и объекта гражданского оборота не требуется формирования понятия, поскольку чрезмерная торопливость и отказ от учета экспертного мнения может привести к тому же результату, что и в случае с беспилотными средствами⁴. Тем не менее специалисты в области науки права пытаются заполнить этот пробел, благодаря чему можно выделить несколько направлений дефинитивного определения криптовалют.

Большая часть проанализированных нами авторов прибегает к техническому описанию

¹ Этот термин (electronic cash) и был использован создателем биткоина при его описании.

² Greenberg A. Crypto Currency // Forbes. April 20, 2011.

³ В частности, автор статьи отметил: «Bitcoin is different: It wholly replaces state-backed currencies with a digital version that's tougher to forge, cuts across international boundaries, can be stored on your hard drive instead of in a bank».

⁴ Зайцев С. Беспилотники против закона: что надо знать, покупая дрон. 25 мая 2017 г. // URL: <https://hi-tech.mail.ru/review/drones-law/> (дата обращения: 09.07.2019).

сущности криптовалют, отмечая, что это «новый вид денежной валюты, который представляет собой децентрализованный учет цифровых активов, основанный на технологии блокчейн и использующий в процессе функционирования методы криптографии»⁵. В процитированном отрывке автор фактически изложил техническую характеристику (что, однако, не совсем верно), добавив к ней правовую составляющую «денежная валюта». В данной ситуации использование этой концепции само по себе спорно, поскольку валюта представляет собой только деньги — либо в наличной, либо в безналичной форме. Именно чтобы отграничить от уже названных и давно известных видов валюты, биткоин и аналогичные технологии были названы криптовалютой. Под валютой понимают также конкретную денежную единицу национальной платежной системы, например российский рубль в Российской Федерации. Конечно, в некоторых исследованиях по проблемам мировой экономики этот термин используется для описания любых средств рыночного обмена, но мы все же полагаем, что в юридической науке, да и в юриспруденции вообще, такое умножение сущностей бессмысленно. Этот наш вывод подтверждают положения ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», где к валюте отнесены:

- 1) денежные знаки в виде банкнот и монеты, находящиеся в обращении в качестве законного средства наличного платежа, а также изымаемые либо изъяты из обращения, но подлежащие обмену денежные знаки;
- 2) средства на банковских счетах и в банковских вкладах.

Полагаем, что настолько устойчивое толкование исключает возможность рассмотрения

криптовалют как вида валюты, то есть какой-то новой формы (вида) денежных средств, отличной от наличной или безналичной. Основанием для такого вывода служит узконаправленность применения денежных средств в России и мире: это лишь средство платежа, не имеющее других функций, что подтверждается не только отечественным, но и зарубежным законодательством, международным правом и правовым обычаем.

Именно поэтому мы не можем согласиться и с позицией Центробанка РФ, который в своих известных разъяснениях от 2014 и 2017 гг. назвал криптовалюты «частными виртуальными валютами»⁶. Более того, мы вообще считаем неверным решением приравнивать криптовалюты исключительно к валюте и считаем это не более чем игрой слов, превратившейся в устоявшуюся дефиницию. Приравнивание криптовалют только к валютным средствам, по нашему мнению, существенно снижает техническое, правовое, экономическое, политическое их восприятие как феномена посткомпьютерной эпохи.

Второе наиболее распространенное мнение заключается в определении криптовалют как «денежного суррогата»⁷. Денежный суррогат представляет собой заменитель законного платежного средства или денег вообще, который выполняет все или часть их функций, таких как средство обращения, платежа или сбережения. В юриспруденции под денежным суррогатом понимают нелегитимные денежные средства. В частности, в ст. 27 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» сказано, что «введение на территории Российской Федерации других денежных единиц и выпуск денежных суррогатов запрещаются». Никаких

⁵ Калинин В. Н. Криптовалюта: опыт, состояние и перспективы // Материалы V Международной научно-практической конференции «Инновационный и научный потенциал XXI века». Саратов : Центр проф. менеджмента «Академия бизнеса», 2017. С. 35—44.

⁶ См.: информация Центробанка РФ от 27 января 2014 г. «Об использовании при совершении сделок “виртуальных валют”, в частности, Биткойн»; информация Центробанка РФ от 4 сентября 2017 г. «Об использовании частных “виртуальных валют” (криптовалют)» // Официальный сайт ЦБ РФ. URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 09.07.2019)

⁷ Клоков Д. В. Об угрозах неконтролируемого оборота криптовалютных инструментов // Символ науки. 2017. № 12. С. 52—56.

иных упоминаний о денежных суррогатах на данный момент в законодательстве РФ нет.

При этом как ученые, так и практики, в том числе субъекты, наделенные законодательной инициативной, часто отождествляют криптовалюты и денежные суррогаты, не всегда объясняя, что же последние из себя представляют⁸. Этот термин приобрел правовое значение благодаря выступлению заместителя председателя ЦБ РФ в 2018 г., где тот отметил, что в целом ЦБ РФ воспринимает криптовалюту как денежные суррогаты и не поддерживает ее оборот в какой-либо форме⁹. Однако на самом деле смысл понятия намного глубже, чем принято считать.

Понятие денежных суррогатов известно давно: еще в начале прошлого века Л. А. Лунц описывал их как «ценные бумаги, которые по свойству своей обращаемости могут получить значение денежных знаков»¹⁰. К денежным суррогатам в то время относили вексели, бонны, иногда акции, хотя тот же Л. А. Лунц предпочитал использовать термин «частные деньги».

В современный период список объектов, относимых к денежным суррогатам, расширился. Так, И. И. Кучеров понимает под денежными суррогатами «используемые в качестве платежных средств предметы, не являющиеся обязательными к приему всеми и не отвечающие признакам законных либо специальных платежных средств, выпуск которых в обращение государством не осуществлялся и не санкционировался, а их изготовление запрещено и наказуемо в со-

ответствии с законодательством»¹¹. Л. Л. Арзуманова считает, что это заменители денег, «используемые в качестве средства платежа», которые могут применяться для производства расчетов между частными лицами в случае наличия договоренности об этом¹².

Более удачные толкования можно найти в работах экономической направленности. К примеру, В. Клисторин и В. Черкасский указывают, что денежные суррогаты выполняют функцию средства платежа, но не служат средством сбережения и к тому же не определяют пропорции обмена товаров, а их особенности формируются посредством нерыночного характера их обращения (и тоже приводят в пример вексель)¹³.

Крупнейший современный отечественный исследователь денежных суррогатов, О. М. Крылов, рассматривает их как финансовый инструмент, способный одновременно выполнять, полностью или частично, функции валюты Российской Федерации. По его мнению, денежный суррогат может одновременно быть мерой стоимости; средством обращения; средством платежа; средством накопления; мировыми деньгами¹⁴. Приводя примеры денежных суррогатов, Т. А. Дельцова называет иностранную валюту, ценные бумаги, казначейские налоговые освобождения, слитки драгоценных металлов, налоговые льготы, депозитные и сберегательные сертификаты, расписки, талоны на проезд в транспорте и пр.¹⁵ — то есть любые средства

⁸ *Хараева Д. А.* Криптовалюта — денежный суррогат или платеж будущего? // Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Минск, 3—4 ноября 2017 г. Минск, 2018. С. 116—117.

⁹ См.: *Бычков А.* Криптовалюта вне рамок правового поля // URL: <https://www.eg-online.ru/article/396930/>.

¹⁰ *Лунц Л. А.* Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М. : Статут, 1999. С. 75.

¹¹ *Кучеров И. И.* Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование. М., 2016. С. 136.

¹² *Арзуманова Л. Л.* Право денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. С. 178.

¹³ *Клисторин В., Черкасский В.* Денежные суррогаты: экономические и социальные последствия // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 52—53.

¹⁴ *Крылов О. М.* К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Финансовое право. 2012. № 9. С. 10—14.

¹⁵ *Дельцова Т. А.* Многообразие денежных суррогатов в природе, или В чем заключается свобода выбора? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2017. № 3. С. 244—245.

платежа или платежного обмена, кроме национальной валюты Российской Федерации, что, разумеется, позволяет рассматривать в качестве денежных суррогатов криптовалюту. Но здесь также сто́ит отметить, что в зарубежной литературе термина «денежные суррогаты» не существует.

Из всего сказанного становится очевидно, что параллели, проводимые некоторыми авторами¹⁶ между денежными суррогатами и криптовалютами, базируются на простом утверждении, что к денежным суррогатам относится все, кроме национальной валюты РФ. С экономической точки зрения эта позиция, возможно, оправданна, но юриспруденция, рассматривающая сущность и содержание таких крайне разнородных понятий, как налоговые льготы, депозитные сертификаты, слитки драгоценных металлов, расписки, талоны на метро, гораздо более пристально и с точки зрения совсем иных критериев, не может применять столь общий термин к совершенно уникальному в правовом смысле явлению — криптовалютам. Потому, как и в случае с денежными средствами, мы полагаем денежные суррогаты дефиницией, не подходящей для использования в законотворчестве и правоприменении. Единственная возможная аналогия между криптовалютами и денежными суррогатами допустима только в случае рассмотрения вопроса их легитимности, что, однако, сомнительно в силу конфликта между трансграничным характером первого и сугубо отечественным — второго понятия.

Иные точки зрения на место криптовалюты в типологиях и классификациях высказаны с позиции поиска сходства между криптовалютой и иными валютными средствами, платежными системами и средствами материального возме-

щения. Так, нам встречались попытки сравнения криптовалюты с электронными денежными средствами, электронными платежными системами и даже с конкретными сервисами вроде PayPal, Webmoney, Qiwi, Яндекс.Деньги и т.д., которые ошибочно принимают за денежные суррогаты¹⁷.

Этот вопрос даже не дискуссионный: электронные денежные средства и электронные платежные средства, а также платежные системы вполне исчерпывающе урегулированы отечественным законодательством, по крайней мере на дефинитивном уровне. В статье 3 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» им даны следующие определения:

- 1) электронные денежные средства — денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа (п. 18)¹⁸;
- 2) электронное средство платежа — средство и (или) способ, позволяющие клиенту оператора по переводу денежных средств составлять, удостоверить и передавать распоряжения в целях осуществления перевода денежных средств в рамках применяемых форм безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных

¹⁶ Есаков Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. 2015. № 1. С. 48.

¹⁷ Марамыгин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А. Сущность электронных денег, преимущества и недостатки // Вестник Омского университета. Серия : Экономика. 2016. № 1. С. 60—65.

¹⁸ И там же дано разъяснение, что не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций.

технологий, электронных носителей информации, в том числе платежных карт, а также иных технических устройств (п. 19);

- 3) платежная система — совокупность организаций, взаимодействующих по правилам платежной системы в целях осуществления перевода денежных средств, включающая оператора платежной системы, операторов услуг платежной инфраструктуры и участников платежной системы, из которых как минимум три организации являются операторами по переводу денежных средств (п. 20).

Если следовать букве закона, электронные платежные системы представляют собой подвид платежных систем, где транзакции осуществляются посредством использования ИТС Интернет или при помощи иных способов передачи электронных сигналов. Более того, ни одно из этих понятий не является новым, бóльшая их часть в том или ином виде была определена еще в 2007 г. в ГОСТ Р ИСО/ТО 13569-2007 «Финансовые услуги. Рекомендации по информационной безопасности», а Федеральный закон № 161-ФЗ просто придал им легитимность.

Как мы видим, ни одно из этих понятий не может быть применено к описанию криптовалюты, как и криптовалюта не может быть отнесена к их числу. Основной причиной является то, что все эти явления взаимодействуют с денежными средствами и, по сути, являются либо новым видом денежных средств, либо организованным средством их передачи.

Соответственно, трактовка криптовалюты как элемента валютного оборота, сделанная лишь на основании наличия однокоренной части в составе термина, абсолютно неверна. Она приводит к неверному заключению относительно ее сущности и финансовой роли, что, в свою очередь, влечет за собой неверную оценку признаков криптовалют, сфер применения и прочих связанных с ними отношений.

Отсюда возникает вопрос — чем же по своей сути является криптовалюта, если ее нельзя отнести ни к одной из существующих финан-

сово-денежных категорий? Мы полагаем, что ответить на этот вопрос возможно лишь после рассмотрения технической сущности криптовалюты и, главное, особенностей происхождения.

Как уже было сказано, название «криптовалюта» появилось в обороте после публикации в финансовом журнале. Энди Гринберг, автор статьи, описывая явление биткоина как первой истинной¹⁹ криптовалюты, отметил, что это «некоммерческий проект... который стремится создать новую валюту из чего-то большего, чем криптография, сетевые технологии и программное обеспечение с открытым исходным кодом»²⁰. Именно замечание о некоммерческой сущности биткоина, на наш взгляд, является той отправной точкой, которая должна послужить категоризации криптовалют вообще. Биткоин — это попытка не просто создать цифровое выражение для уже существующих национальных валют, отличающееся от системы PayPal лишь примененными методами криптографии. Биткоин — это попытка создать валюту, признаваемую негосударственными участниками рынка, свободную от национальных финансовых систем, финансового регулирования, казначейств и валютного обеспечения.

С правовой точки зрения цель создания биткоина заключалась в полной замене валюты, поддерживаемой государством, на что-то, что будет поддерживаться доброй волей участников правоотношений по обмену. И нынешнее состояние биткоина на валютном рынке, а также длительность его существования в качестве элемента оборота позволяет заключить, что эта попытка удалась. На данном этапе развития цифрового валютного рынка мы можем говорить о четырех видах цифровых валют, существование которых подтверждается распространенностью правоотношений с ними. Мы предлагаем следующие наименования этих видов валют, выбранные нами сообразно цели их создания и особенностям регулирования их оборота:

- 1) частные цифровые (электронные) валюты;

¹⁹ Иные виды криптовалюты, созданные позже, традиционно именуются альткоидами как видовой общность.

²⁰ Greenberg A. Op. cit.

- 2) виртуальные валюты;
- 3) национальные цифровые валюты;
- 4) криптовалюты.

Проведенный нами анализ законодательства и правоприменения позволяет заключить, что эти четыре вида представляют собой дополнение к уже всемирно признанным наличным и безналичным валютам, но они не равны между собой по содержанию. Мы полагаем, что четвертый вид — криптовалюты — не может быть отнесен ни к одному из них, а должен быть выделен в отдельный, уникальный вид, и вот почему.

Во-первых, самым главным отличием криптовалюты от иных видов валют является ее полная независимость от национальных валютных систем, которую часто именуют автономностью криптовалюты. Неверно понимать наличие обменного курса у криптовалют как наличие зависимости, поскольку этот курс является эффектом, производным от признания криптовалюты частью валютного оборота на государственном, а не частном уровне.

Автономность криптовалют с юридической точки зрения состоит в их полной правовой независимости на любом этапе: независимости от воли государства, выраженной в законе; независимости от воли эмитента — эмиссия криптовалюты обеспечена технологией, а предсказать наступление результата эмиссии сложно. Таким образом, технология обеспечивает отсутствие правовой зависимости от волеизъявления человека и от его вмешательства в нее. Если описывать эмиссию криптовалют упрощенно, не вдаваясь в технические подробности, то процесс выпуска заключается в осуществлении алгоритмом серии вычислений с перебором параметров для достижения определенного результата.

Даже такое описание позволяет нам прийти к выводу, что юридическое вмешательство в процесс выпуска криптовалют невозможно, ведь этот выпуск фактически не осуществляется и не контролируется человеком. Потому невозможно заранее гарантировать результат выпуска полностью или в части именно так, как этого требуют положения законодательства. По сути, именно эта особенность криптовалютного выпуска послужила причиной, по которой от-

дельными государствами был наложен запрет на процедуры ICO (Initial coin offering, с англ. — «первичное предложение монет, первичное размещение монет»), которую принимают за еще один способ эмиссии криптовалюты, наравне с майнингом и форжингом, тогда как по своему юридическому содержанию понятие ICO намного сложнее. Страны, ограничивающие процедуры ICO (Канада, США) или запрещающие их (КНР), как правило, ссылаются на отсутствие законодательного регулирования, стандартизации и дополнительных гарантий процедуры.

Таким образом, мы полагаем, что криптовалютами в их истинном смысле можно считать только те виды цифровых валют, которые получены негосударственными субъектами в результате описанных нами действий, а не эмитированы каким-либо государством с обязательным включением их в национальный денежный оборот. Мы считаем, что особенность регулирования криптовалют, в силу уже сложившегося с начала выпуска биткоина правового обыкновения, заключается в свободной договорной основе их создания.

Важно понимать, что криптовалюты представляют уникальное правовое явление: они являются не нормативным, а техническим выражением основных начал гражданского права, которые в ГК РФ закреплены в ст. 1, и непосредственность этого выражения не подлежит оспариванию. Технологии, на которых основана криптовалюта, прямо соответствует нормам ГК РФ о том, что субъекты гражданских прав: *1) приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе; 2) свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора; 3) должны действовать добросовестно.* Исходя из положений этой статьи, криптовалюта вообще не нуждается в урегулировании отдельным законом. Добросовестность субъектов правоотношений в сфере оборота криптовалют обеспечивается технологией (блокчейн, консенсусный реестр, направленный ациклический граф, иное), которая не может быть подделана или изменена в процессе, по крайней мере сейчас, а предсказать способы такого изменения в настоящее

время невозможно. То есть любые иные преступные действия, направленные на причинение вреда субъектам, заинтересованным в криптовалютных правоотношениях, должны быть квалифицированы по тем же статьям УК РФ, что и преступные деяния против иных гражданских правоотношений, прав и законных интересов.

Следовательно, являются ошибочными мнения о том, что эти правоотношения невозможно защитить уголовно-правовыми методами, пока нет закона, определяющего их наличие и их границы. Напомним, что в постановлении от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” в связи с жалобой гражданина А. И. Сушкова» Конституционный Суд РФ признал лицо, самостоятельно создавшее информацию либо получившее на основании закона или договора право разрешать или ограничивать доступ к информации, определяемой по каким-либо признакам, не противоречащим Конституции России, обладателем информации. Это постановление является отправной точкой для квалификации преступлений в соответствии с гл. 28 УК РФ — преступлений против компьютерной информации, поскольку любая информация, размещенная в цифровой форме, охраняется соответствующим правом и волеизъявлением лица. Для этого нам не надо определять, была ли вообще создана эта информация: ее компьютерный, цифровой характер исключает случайное и бесконтрольное формирование информации и превращает мнение КС РФ в правовую аксиому. Для квалификации деяния нам лишь нужно определить, что именно охраняет ее: норма закона (авторского, лицензионного, патентного, иного) или положения договора, форма и характер которого в данной ситуации не играют роли.

Аналогично УК РФ будет действовать и в случае с криптовалютой: для установления факта совершения преступления нет необходимости определять, чем является криптовалюта, достаточно установить, на основании какого права она принадлежит потерпевшему лицу. В подавляющем большинстве случаев речь идет

о праве собственности, которое из-за отсутствия специальных положений закона требует не регистрации, а лишь соблюдения общих правил подтверждения принадлежности. В силу сущности криптовалюты как явления, а также многообразия видов криптовалют определять эти правила необходимо в соответствии с природой конкретного вида, что, однако, свойственно не только криптовалюте, но и вполне привычным нам предметам преступления.

По этой причине возникает основная проблема квалификации деяний, объектом которых является криптовалюта. Она заключается в смешении криминалистического и уголовно-правового подходов, когда предмет доказывания, определяемый составом преступления, подменяется обстоятельствами, подлежащими доказыванию, которые определяются механизмом отдельного преступления. В этом случае и законодатель, и правоприменитель следуют по пути упрощения и подменяют уголовно-правовой подход определения объекта преступления криминалистическим, воспринимая в качестве объекта предмет конкретного преступления и его частные признаки. Аналогично механизм преступления воспринимается в качестве способа — то есть дополнительного признака объективной стороны. Разумеется, подобное недопустимо и губительно как для уголовного права, так и для борьбы с преступностью. Но именно таков процесс, который порождает мнение о необходимости отдельных законов общего характера и отдельных составов преступлений в УК РФ. Подобное ошибочное мнение зиждется на заблуждении, которое приводит к отказу от высокого уровня абстракции, свойственного нормативному определению объекта преступления в УК РФ.

При этом упускается тот факт, что разнообразие видов криптовалют (на данный момент развития технологии их уже насчитывается около двух тысяч), разнообразие сочетаний технологической архитектуры, способов их создания, не говоря уже о целях, задачах, функциях, сделает эти нововведения бессмысленными. Достаточно привести пример, касающийся биткойна как наиболее известного вида. Сторонники регулирования его выпуска и оборота

часто не упоминают факт конечности эмиссии. Широко известно, что создателем изначально была заложена возможность эмитировать лишь 21 млн биткоинов, после чего эмиссия остановится. Предсказать правовые последствия ее окончания для самого биткоина, а также для всего рынка криптовалют на данный момент невозможно. Но уже сейчас очевидно, что такой закон тут же утратит свое значение, ведь объект регулирования самостоятельно, без чьего-либо волеизъявления и вмешательства, прекратит правоотношение²¹.

Криптовалюта как наиболее яркий и сложный для понимания концепт цифровой революции посткомпьютерной эпохи еще раз подтверждает сложность восприятия технологии в качестве объекта и предмета преступления. Уголовное право сталкивалось с этим неоднократно — начиная с транспорта и оружия и заканчивая компьютерной информацией. Чем сложнее строение объекта, чем больше обла-

стей регулирования затрагивает его архитектура, тем масштабнее дискуссия в пространстве между *de lege ferenda* и *de lege lata*. Говоря о таких объектах преступления, ученые-правоведы привыкли упоминать бланкетные нормы, однако мы полагаем важным не забывать о том, что в случае с технологически сложными объектами их природа, а не регулирующая норма станет первоисточником для правоприменителя, если законодатель ошибется в дефиниции. Более того, как показывает практика, на стадии правоприменения экспертное мнение важно и при наличии, и при отсутствии бланкетной нормы. Опускаясь же до частных, ученый (а вместе с ним и законодатель) приводит норму к тому уровню казуистичности, который А. И. Коробеев метко определил как «изнасилование отдельно взятых Маши, Даши, Глаши, Наташи»²², а значит — к низкому качеству обеспечения безопасности и правопорядка, а в итоге к бездействию норм УК РФ.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Арзуманова Л. Л. Право денежного обращения как подотрасль финансового права Российской Федерации : дис. ... док. юрид. наук. — М., 2014. — 44 с.
2. Дельцова Т. А. Многообразие денежных суррогатов в природе, или В чем заключается свобода выбора? // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. — 2017. — № 3. — С. 241—251.
3. Есаков Г. А. Денежные суррогаты и ответственность за хищение // Уголовное право. — 2015. — № 1. — С. 48—53.
4. Калинин В. Н. Криптовалюта: опыт, состояние и перспективы // Материалы V Международной научно-практической конференции «Инновационный и научный потенциал XXI века». — Саратов : Центр профессионального менеджмента «Академия бизнеса», 2017. — С. 35—44.
5. Клисторин В., Черкасский В. Денежные суррогаты: экономические и социальные последствия // Вопросы экономики. — 1997. — № 10. — С. 52—57.
6. Клоков Д. В. Об угрозах неконтролируемого оборота криптовалютных инструментов // Символ науки. — 2017. — № 12. — С. 52—56.
7. Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2016. — № 3 (35). — С. 247—250.
8. Крылов О. М. К вопросу о правовой категории «денежный суррогат» // Финансовое право. — 2012. — № 9. — С. 10—14.
9. Кучеров И. И. Законные платежные средства: теоретико-правовое исследование. — М., 2016. — 390 с.

²¹ При этом конечный характер эмиссии не является характерным признаком криптовалют вообще, что служит еще одним подтверждением уникальности криптовалюты как правового явления.

²² Коробеев А. И. Уголовная политика современной России: состояние и перспективы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 3 (35). С. 249.

10. Луц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — М. : Статут, 1999. — 350 с.
11. Марамигин М. С., Прокофьева Е. Н., Маркова А. А. Сущность электронных денег, преимущества и недостатки // Вестник Омского университета. Серия : Экономика. — 2016. — № 1. — С. 60—65.
12. Хараева Д. А. Криптовалюта — денежный суррогат или платеж будущего? // Эффективность правового регулирования на современном этапе: теоретические, исторические и отраслевые аспекты : материалы междунар. науч. конференции студентов, магистрантов и аспирантов. Минск, 3—4 ноября 2017 г. — Минск, 2018. — С. 116—117.

Материал поступил в редакцию 24 августа 2019 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Arzumanova L. L. Pravo denezhnogo obrashheniya kak podotrasl finansovogo prava Rossijskoj Federacii : dis. ... dok. jurid. nauk. — M., 2014. — 44 с.
2. Delczova T. A. Mnogoobrazie denezhnyx surrogatov v prirode, ili V chem zaklyuchaetsya svoboda vybora? // Vestnik PNIU. Socialno-ekonomicheskie nauki. — 2017. — № 3. — S. 241—251.
3. Esakov G. A. Denezhnye surrogaty i otvetstvennost za xishhenie // Uголовное право. — 2015. — № 1. — S. 48—53.
4. Kalinin V. N. Kriptovalyuta: opyt, sostoyanie i perspektivy // Materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Innovacionnyj i nauchnyj potencial XXI veka». — Saratov : Centr professionalnogo menedzhmenta «Akademiya biznesa», 2017. — S. 35—44.
5. Klitorin V., Cherkasskij V. Denezhnye surrogaty: ekonomicheskie i socialnye posledstviya // Voprosy ekonomiki. — 1997. — № 10. — S. 52—57.
6. Klokov D. V. Ob ugrozax nekontroliruемого оборота криптовалютных инструментов // Simvol nauki. — 2017. — № 12. — S. 52—56.
7. Korobeev A. I. Uголовная политика современной России: состояние и перспективы // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2016. — № 3 (35). — S. 247—250.
8. Krylov O. M. K voprosu o pravovoj kategorii «denezhnyj surrogat» // Finansovoe право. — 2012. — № 9. — S. 10—14.
9. Kucherov I. I. Zakonnye platezhnye sredstva: teoretiko-pravovoe issledovanie. — M., 2016. — 390 s.
10. Luncz L. A. Dengi i denezhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave. — M. : Statut, 1999. — 350 s.
11. Maramygin M. S., Prokofeva E. N., Markova A. A. Sushhnost elektronnyx deneg, preimushhestva i nedostatki // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya : Ekonomika. — 2016. — № 1. — S. 60—65.
12. Xaraeva D. A. Kriptovalyuta — denezhnyj surrogat ili platezh budushhego? // Effektivnost pravovogo regulirovaniya na sovremennom etape: teoreticheskie, istoricheskie i otraslevye aspekty : materialy mezhdunar. nauch. konferencii studentov, magistrantov i aspirantov. Minsk, 3—4 noyabrya 2017 g. — Minsk, 2018. — S. 116—117.